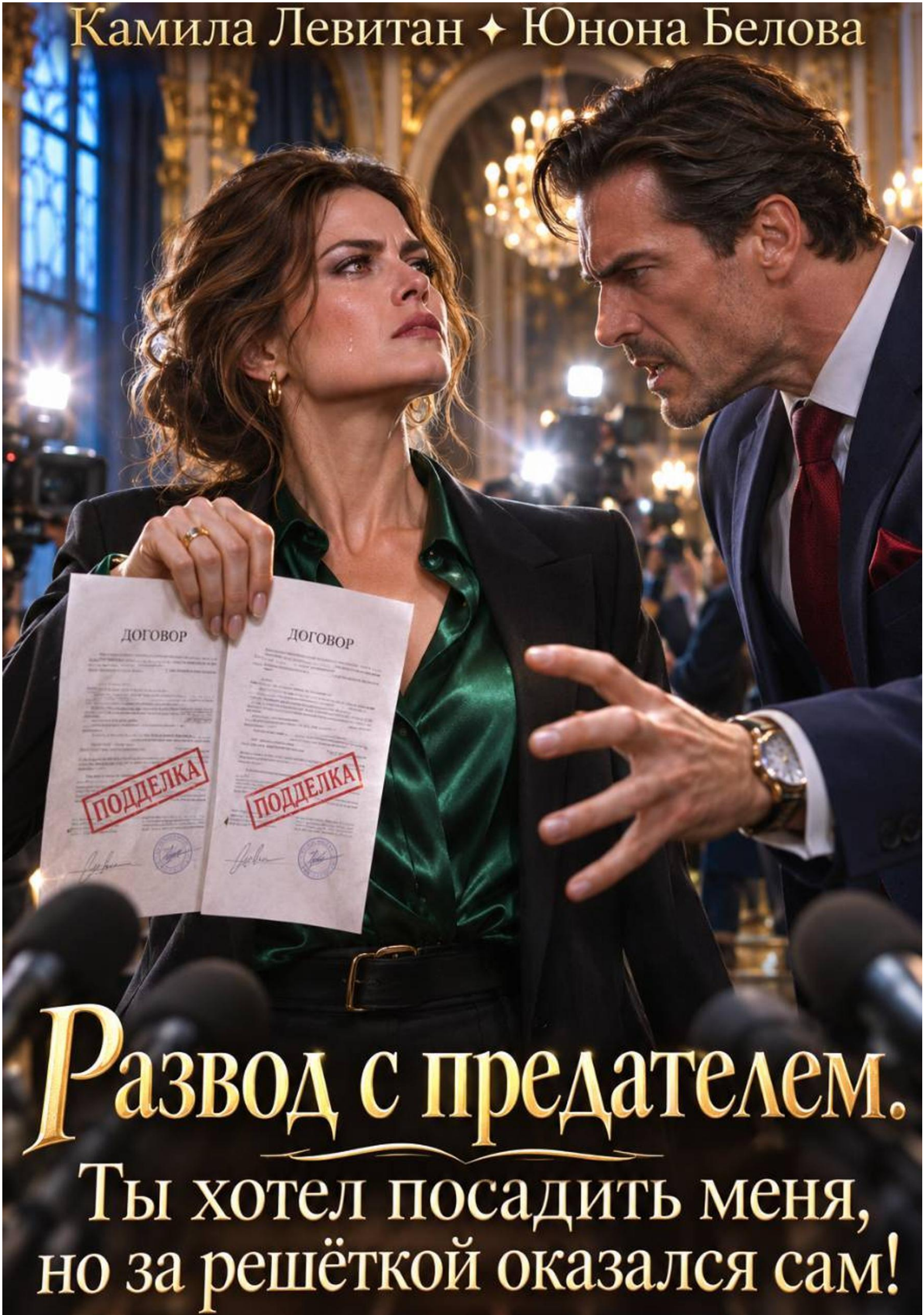

Камила Левитан ✦ Юнона Белова
ДОГОВОР
ДОГОВОР
ПОДДЕЛКА
ПОДДЕЛКА
Развод с предателем.
Ты хотел посадить меня,
но за решёткой оказался сам!

Камила Левитан

Развод с предателем. Ты хотел посадить меня, но за решёткой оказался сам!

«Автор»
2026

Левитан К.

Развод с предателем. Ты хотел посадить меня, но за решёткой оказался сам! / К. Левитан — «Автор», 2026

В день десятой годовщины муж положил передо мной договор с моей поддельной подписью. Он украл мою работу, выгнал нас с больным племянником на мороз и пригрозил тюрьмой, если я заговорю. А лучшая подруга оказалась на его стороне.Я потеряла дом, деньги и имя. Но не желание бороться.Матвей Дорн — опасный человек, которого боится муж. Он предлагает защиту и лекарства для Тимура. Взамен требует помочь разоблачить семейную аферу, погубившую его отца.Я не собираюсь становиться пешкой в чужой мести. Я верну себе профессию, спасу племянника и заставлю предателя ответить за всё. Только выдержит ли моё сердце союз с Матвеем?

© Левитан К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 11
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Камила Левитан, Юнона Белова
Развод с предателем. Ты хотел посадить меня, но за решёткой оказался сам!

Глава 1

Запах корицы и жженого сахара висел в воздухе, густой, как мед. Я вытерла руки о фартук с кружевом по подолу, который Артемий когда-то назвал «слишком домашним». Потом сам покупал мне такие же и хвалил при гостях: мол, жена знает толк в уюте. Десять лет брака. Я знала, какую лампу оставить для него в прихожей, как подать ужин, если задержится, о чем не спрашивать при гостях. Его карьера росла, а я все чаще ждала у накрытого стола. Сегодня годовщина. Он обещал приехать в семь. Часы на кухне показывали восемь сорок пять.

Я то и дело трогала теплую стенку формы: пирог еще можно было подать горячим. Стояла у окна, глядя на темнеющий сад, где фонари уже включились, разрезая ноябрьскую сырость желтыми конусами света. Я поправила скатерть у его прибора, хотя складок на ней не было. Может быть, он привезет цветы? Или скажет слова, которые я ждала годами: «Спасибо, что ты есть».

В замке повернулся ключ. Не привычный лязг уставшего мужа, а резкий, властный щелчок. Дверь открылась. Артемий вошел, стряхивая снег с дорогого кашемирового пальто. Он был бодрым. Слишком бодрым для человека, который ехал из города в пробках. Его глаза блестели не от усталости, а от какого-то хищного азарта, который я видела только на совещаниях перед крупными сделками.

— Аля, — бросил он, даже не снимая перчаток. Голос ровный, лишенный той теплоты, которую я так жаждала услышать.

— Ты проголодался? Ужин стынет, — я шагнула к нему, протягивая руки, чтобы обнять, чтобы почувствовать запах его одеколона и кожи.

Он перехватил мои запястья. Не нежно. Жестко. Под перчатками выступили костяшки. Он сжимал всё сильнее. Боль пронзила предплечья, но я не отдернула руки. Просто замерла, чувствуя, как внутри холодеет.

— Сначала документы, — сказал он, отпуская меня и направляясь к столу. Он положил на скатерть, между тарелками, черную кожаную папку с тиснением золотом. Она выглядела чужеродно, как гроб посреди пира.

Я села напротив. Сердце колотилось где-то в горле.

— Что это? Новый проект?

Артемий молча придвинул папку ближе.

— Открой.

Мои пальцы дрожали, когда я расстегнула хлястик. Внутри лежали бумаги. Плотная бумага, официальный бланк фонда «Верещагин Heritage». Договор передачи прав на реставрацию исторической усадьбы. Мой почерк. Идеальная имитация. Каждая буква, каждая завитушка в подписи внизу страницы была моей. Даже точка после имени.

Дата: сегодня. Время: 18:30.

Я подняла глаза. Артемий улыбался. При гостях я радовалась этой улыбке: значит, все хорошо, он доволен. Сейчас он улыбался, глядя, как дрожат мои пальцы над поддельной подписью.

— Ты такая рассеянная, Аля, — произнес он мягко, почти ласково. — Но я всё исправил. За тебя. Тебе нужно было просто поставить подпись в нужном месте, а ты забыла. При-

шлось дописать самому. Технически, это соучастие в мошенничестве. Статья о мошенничестве. Тяжелая. Особенно для жены чиновника.

— Это подлог! — мой голос сорвался на визг. Я схватила бумаги, рванула их к себе. Чернила пахли свежестью, будто их нанесли минуты назад. — Я была дома весь день! Я готовила! Ты видел меня!

Артемий достал телефон, положил экраном вниз на стол, потом перевернул. На экране играл видеоролик. Звук был плохим, шипение микрофона, но я узнала свой голос. Тот, который я считала своим. В ролике я говорила: «Да, Артем, я согласна передать права фонду. Это безопасно». Фон за спиной видео-Алисы был размыт, но свет падал так же, как сейчас. Монтаж. Грубый, но убедительный для тех, кто хочет верить.

— Если ты пойдешь в полицию, твой племянник Тимур потеряет место в частной клинике, — Артемий понизил голос; мне пришлось наклониться, чтобы расслышать. Он наклонился вперед, и я почувствовала запах его мятных леденцов, тошнотворно сладкий. — Я знаю, кто там главный врач. Знаю, какие препараты ему нужны. Знаю, сколько стоит каждый день его жизни. Ты хочешь, чтобы он умер без лекарств? Прямо сейчас, пока мы говорим?

Кровь отхлынула от лица. Тимур. Мой единственный родной человек. Сирота. Опухоль мозга. Три месяца жизни без капельниц.

— Ты... чудовище, — прошептала я.

— Я бизнесмен. И муж, который заботится о своей репутации. А теперь собирайся.

Я встала. Ноги стали ватными.

— Куда?

— Из моего дома. У тебя десять минут. Потом охрана вызовет полицию за незаконное проникновение. Ты здесь никто, Алиса. Ты — юридическое лицо, которое должно исчезнуть, чтобы не мешать активу расти.

Я метнулась к коридору. Артемий не побежал за мной. Он просто вышел следом, спокойный, как судья, читающий приговор. Я успела схватить сумку с вешалки, но, когда потянулась за курткой, он блокировал дверь своим телом. Широкие плечи, занимающие все пространство. Я столько раз утыкалась лбом ему в грудь, когда было страшно. Сейчас он заслонял куртку, а я никак не могла протиснуться мимо.

— Не трогай вещи, они мои, — отрезал он.

— Дай мне хотя бы куртку! На улице мороз!

— Твоя жизнь зависит от того, насколько быстро ты уберешься.

Из комнаты вышел Тимур, разбуженный криками. Я схватила его за руку, а другой потянула стоявший в коридоре чемодан с нашими вещами. Артемий вытолкнул нас в подъезд. Чемодан стукнулся о бетонный пол. Лифт не работал. Мы спустились по лестнице. Тишина звенела в ушах. На первом этаже охранник, обычно вежливый дядя Степа, отвернулся, делая вид, что проверяет журнал. Я задержалась напротив него на секунду. Дядя Степа перевернул страницу журнала, так и не подняв глаз.

Машина стояла у ворот. Я села за руль, захлопнув дверцу. Руки скользили по рулю от пота и слез. Телефон завибрировал. Виктория. Моя лучшая подруга. Та, которой я звонила, когда боялась грозы. Та, которая знала все наши секреты.

— Аля? Как праздник? — спросила она бодро.

— Ты знала, — сказала я. Не вопрос. Утверждение.

Пауза. Долгая, вязкая тишина.

— Артемий сказал, что ты сорвалась. Нервы ни к черту. Он просил не звонить тебе, пока он не остынет. Он очень зол, Аля. Очень.

— Он угрожает мне тюрьмой, а Тимуру — смертью, Вика. Он подделал документы.

— Ну... может, это недоразумение? Вы же всегда так бурно выясняете отношения. Помнишь прошлый год?

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Во втором окне нашего дома горел свет. Силуэт Артемия наблюдал за мной. Он не уходил. Он ждал. Ждал, когда я сломаюсь.

— Ты тоже участвуешь? — спросила я тихо.

— Я просто хочу, чтобы вы помирились, — голос Виктории стал казенным, холодным. — Не звони ему. Он заблокирует номер.

Я отключила связь. Бросила телефон на пассажирское сиденье.

Педаль газа. Машина рванула вперед, шины взвизгнули по мокрому асфальту. Я не знала, куда еду. Дом родителей? Они давно в могиле. Подруги? Их нет.

Бензин кончался. Стрелка упала почти на ноль. Городские огни остались позади, сменившись темнотой спальных районов и промышленных зон.

Я свернула на грунтовку, ведущую к окраине. К заброшенному заводскому городку. Там, где отец когда-то работал инженером, а мать учила детей читать по букварям. Там стояло общежитие, пустое и мертвое. Место, где никто не будет искать жену чиновника.

На заднем сиденье спал Тимур. Он приехал с ночевкой неделю назад, чтобы я могла готовить ему еду, пока Артемий был в командировке. Сейчас он проснулся от тряски, сонно моргая большими серыми глазами.

— Тетя Аля, холодно, — прошептал он.

— Потерпи, малыш, — я остановилась у обочины и развернулась к нему, обнимая через спинку сиденья. Его худые плечи были ледяными. Хотелось прижать его к себе целиком, спрятать от холода. Но я едва дотягивалась через спинку и все повторяла «потерпи», больше ничего предложить не могла.

Но вдруг я заметила отражение в боковом стекле. Фары. Темный внедорожник, похожий на машину Артемия, следовал за мной. Он ехал медленно, сохраняя дистанцию. Не пытаясь догнать. Не пытаясь убить.

Наверняка он хотел, чтобы я увидела его. Чтобы поняла: он контролирует ситуацию. Он оставил меня живой, но изолированной. Это часть игры. Через неделю я вернусь к нему на коленях. Без денег, без надежды, с больным ребенком. Буду молить о пощаде. Буду целовать его туфли.

От мысли о его туфлях меня затошнило. До боли стиснув зубы, я вытерла мокрые щеки рукавом: хватит, он не увидит меня на коленях.

Я посмотрела на Тимура. Он снова уснул, свернувшись калачиком.

«Нет», — подумала я. Слово прозвучало в голове набатом.

«Я не вернусь. Я буду копать».

Я остановила машину у ржавых ворот общежития. Темный внедорожник тоже остановился, метрах в ста. Свет его фар резал темноту, как скальпель.

Я вышла на холодный ветер. Каблучки провалились в грязь.

— Тетя Аля? — Тимур открыл дверцу, стараясь не дышать глубоко, чтобы не простудиться.

— Идем, — я взяла его на руки. Он весил мало. Страшно мало.

Мы вошли в подъезд. Лифт был отрезан проводами. Запах плесени ударил в нос, смешавшись с запахом старой краски и мочи. Темнота давила на глаза. Фонарик телефона выхватывал облупившуюся штукатурку, дыры в полу, тени, которые двигались сами по себе.

Тишина здесь была другой. Не той, уютной тишиной гостиной, которую я любила. Здесь тишина звенела. И внутри этого звона я услышала другое.

Не эхо своих шагов.

Не дыхание ребенка.

Чужое дыхание. Ровное, размеренное, скрытое где-то в углу первого этажа, за колонной. Кто-то уже здесь. Перехватила Тимура одной рукой, прижав к боку, и направила телефонный фонарик в темноту.

Если это Артемий, как он успел войти раньше нас?

Глава 2

За колонной никого не оказалось — только сквозняк свистел в щели. Я нашла комнату с печкой и усадила Тимура на чемодан, но его дыхание становилось все громче. Звук был как у сломанной игрушки. Тимур задыхался, его маленькое тело выгибалось дугой у холодной стены, а губы синели. Ингалятор, который я берегла как святыню, опустел ещё два часа назад. В этом недостроенном общежитии при заводе «Красный Октябрь» пахло плесенью и ржавчиной. Ладони никак не согревались, хотя я растирала их друг о друга. За окнами свирепствовала ноябрьская ночь, ветер выл в дырах вместо стекол, пробираясь под мой тонкий свитер ледяными пальцами.

— Дыши, Тимур, дыши, — шептала я, растирая его спину, но руки дрожали так сильно, что кожа ребенка казалась мне скользкой и чужой.

Я прислушивалась к каждому вдоху. Тимур все реже отвечал на мои вопросы, и это пугало сильнее кашля. Нужно тепло. Нужно дозвониться до врача, пока телефон не сел.

В углу стояла старая железная печка-буржуйка, оставленная строителями. Труба торчала вверх кривым пальцем, забитым сажей. Я схватила стопку своих чертежей — единственное, что осталось от жизни архитектора Алисы Верещагиной. Планы реставрации усадьбы Лунёвых, мои ночные эскизы, моя надежда. Я разорвала их пополам, скомкала и запихнула внутрь печи. Спички кончились, поэтому я использовала зажигалку, найденную в сумке. Пламя жадно лизнуло бумагу.

Но дым не пошел в трубу. Он хлынул обратно, густой, едкий, серый. Печь была пробита или засорена мусором. Я закашлялась, глаза налились кровью, а Тимур начал захлебываться уже не от холода, а от токсичного облака. Я метнулась к двери, распахнула её, выпуская клубы черноты наружу, в снежную мглу. Мы сидели в темноте, вдвоем, слушая, как трещат морозные ветви за стеклом. Сквозняк уносил дым и последнее тепло. Я укутала Тимура одеждой из чемодана, но он продолжал дрожать.

Громкий стук в металлическую дверь общежития заставил меня вздрогнуть. Я инстинктивно прикрыла собой племянника. На пороге стоял охранник стройки, дядя Вова, в бушлате, пропахшем дешевым табаком и перегаром. Его лицо было красным от ветра, а в глазах читалось презрение.

— Ну что, принцессы? — гаркнул он, переступая порог и топая грязными валенками по полу. — Хватит тут бомжевать. Завтра приедет бригада, они вас мигом выметут. А пока марш отсюда. Полицию вызову, будете объяснять, почему ночью в объекте крутите.

— Мы не бомжи, — голос сорвался на визг, я ненавидела себя за это. — Я архитектор. У меня есть пропуска. Артемий Сергеевич... мой муж... он разрешил временное пребывание для оценки состояния конструкций.

Я достала из сумки папку. Бумаги были мятые, влажные от конденсата. Дядя Вова выхватил их, просмотрел, фыркнул и швырнул обратно мне в грудь.

— Твой муж тебя выгнал, деточка. Весь район знает. Ты теперь никто. И этот мальчишка... — он ткнул пальцем в Тимура, который тихо всхлипывал, свернувшись комком, — ...он тебе не сын. Если полиция приедет, его в детдом заберут. А тебя посадят за незаконное проникновение. Так что давай, ноги в руки и по домам. Или я сам вынесу.

Он сделал шаг вперед, толкнул меня плечом так, что я упала спиной на бетон. Боль ударила в копчик, но я не посмела кричать. Он даже не глянул, не расшиблась ли я. Потерев ушибленную спину, я попыталась встать: Тимур видел меня с пола, и от этого было стыднее, чем от Вовиных слов.

В этот момент в дверь снова постучали. Но это был не стук. Это был тяжелый, уверенный удар ногой. Металл дрогнул.

— Открывай, хозяйка, — раздался снаружи низкий, равнодушный голос. — Ключи от подсобки отдавай. Там твои вещи лежат. Артемий Сергеевич прислал забрать.

Я замерла. Это были люди Лунёва. В фонде их называли «решалами» и при них старались не спорить. Я сразу оглянулась на Тимура.

— Прячься, — прошептала я Тимуру, заталкивая его в темный чулан рядом с печкой. Закрыла дверцу, оставив щель для воздуха. Руки тряслись так, что я едва смогла повернуть щеколду входной двери.

Дверь открылась. На пороге стояли трое мужчин в кожаных куртках. В центре — высокий блондин с цепочкой на шее. Главарь. Он оглядел помещение, задержал взгляд на недогоревших чертежах, на пустой печке.

— Где она? — спросил он, не повышая голоса.

— Здесь, — я вышла из тени, стараясь держать спину ровно, хотя колени подкашивались. — Чего вам нужно?

— Ключи, — он протянул руку. — И чтобы ты подписала акт о добровольном выселении. Если нет... ну, ты понимаешь. Этот парнишка твой? Сирота? Опека может заинтересоваться условиями содержания. Холодно, грязно. Опасно для здоровья. Мы можем помочь ему попасть в место потеплее. В детский дом номер семь. Говорят, там хорошо кормят.

Я встала так, чтобы заслонить дверцу чулана. Они хотели забрать Тимура — и тогда я подпишу что угодно, только бы его вернули.

— Внутри находится юрист Дорн, — соврала я, чувствуя, как горит лицо от стыда и страха. — Он ведет видеосъемку. Любое ваше действие будет зафиксировано и отправлено в ФСБ. Вы хотите проблем?

Блондин усмехнулся. Эта улыбка была хуже пистолета.

— Дорн? Матвей Дорн? Да он три года не показывается в наших краях. А если и появится, то только когда мы закончим работу.

Он сделал знак своим людям. Они двинулись внутрь, рассыпаясь веером. Один направился к чулану, где прятался Тимур. Другой схватил меня за предплечье, грубо дернув к центру комнаты.

— Раз уж юриста нет, — сказал главарь, доставая телефон, — начнем с малого. Для устрашения.

Он поднял кулак. Я закрыла глаза, ожидая удара.

Но удара не последовало.

Снаружи взревели моторы. Свет фар, слепящий и белый, ворвался в окна, превращая тени в резкие черные полосы. Дверь распахнулась сама собой, ударившись о стену.

Из темноты вышел человек. Высокий, в длинном сером пальто, воротник которого скрывал нижнюю часть лица. Он не бежал. Он шел медленно, как хищник, который знает, что жертве некуда деться.

— Кирилл, — произнес он. Голос был тихим, бархатным и страшным. — Номер лицензии твоего ЧОПа «Барьер» аннулирован три года назад. Налоговые декларации за прошлый квартал содержат ошибки, которые могут стоить тебе свободы на десять лет. У тебя есть минута, чтобы исчезнуть. Или я звоню не в полицию, а напрямую в Управление собственной безопасности. Выбор за тобой.

Блондин побледнел. Его рука, готовая нанести удар, опустилась. Он узнал этого человека. Все узнавали Матвея Дорна. Это имя было синонимом проблемы, которую лучше не создавать.

— Пошли, — коротко скомандовал главарь, пятясь назад. Его люди послушно отступили, не сводя глаз с чужака. Охранник выскользнул следом за ними, забыв о своих бумагах и угрозах. Через десять секунд дверь закрылась, и воцарилась тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием Тимура из чулана.

Глава 3

Я осела на пол, чувствуя, как отпускает напряжение. Руки онемели.

Дорн повернулся ко мне. Он не улыбался. Его глаза были цвета стали, холодные и расчетливые. Он подошел к печке, посмотрел на недотопленный мусор, затем на меня.

— Плохая вентиляция, — констатировал он. — И плохой выбор союзников.

— Вы Дорн? — прошептала я. Я назвала знакомую по разговорам в фонде фамилию наугад и теперь не верила своей удаче.

— Тот, кто может дать тебе то, чего у тебя нет. Тепло. Еду. Безопасность.

— Ценой чего?

Он молча указал на дверь в подвал, ведущую в ту часть здания, которая относилась к архивам фонда Лунёва.

— Доступ. Полный доступ к документам. Мне нужны бумаги, которые Артемий прячет там, как крысу в норе. Я знаю, что у тебя есть ключ от техники. Ты же архитектор. Ты знаешь все лазейки.

— Нет, — я покачала головой. Запах табака и старой крови, исходивший от него, вызывал у меня тошноту. Я отвела глаза от его протянутой руки. Артемий тоже объяснял, что мне выгодно, а потом оставил без куртки на морозе. Еще одному такому человеку я отдавать ключ не хотела. — Я не буду втягивать Тимура в ваши игры.

— Ему нужен врач, — сухо заметил Дорн. — И тепло. Посмотри на него. Выбирай, Алиса. Гордость или жизнь.

В этот момент из чулана раздался кашель. Не легкий, а лающий, надрывный. Тимур задыхался.

Я посмотрела на Дорна. Он не делал шагов навстречу. Он ждал, пока я сдамся. Даже на кашель не обернулся.

— Хорошо, — выдавила я. — Но сначала лекарство.

Дорн кивнул. Он достал из внутреннего кармана пальто упаковку назначенного Тимуру лекарства и маленькую грелку, наполненную горячей водой. Аккуратно положил их передо мной. Затем протянул лист бумаги и ручку.

— Подпиши. Это соглашение о временном хранении материалов. Юридически ты становишься ответственным лицом за объект до завершения работ. Это защитит тебя от обвинения в незаконном проникновении, но привяжет к делу.

Я взяла бумагу. Шрифт был мелким, расплывчатым. Я начала читать, пытаясь найти подвох. Там было много пунктов о конфиденциальности, о неразглашении данных третьим лицам. Но одна фраза резанула глаз: «Ответственность за последствия проверки документов возлагается на сторону, предоставившую доступ».

Если дело провалится, Дорн сможет показать мою подпись. Я читала этот пункт снова и снова: он оставлял мне ответственность, а себе — путь отступления.

Я тянула время, водя ручкой над бумагой, имитируя поиск нужной формулировки. Дорн наблюдал за мной молча. Я перечитала пункт еще раз, медленнее. Он не торопил, и от этого было хуже: ему не приходилось считать вдохи Тимура.

— Если я не подпишу, вы уйдете? — спросила я.

— Тогда вы оба умрете сегодня ночью. Подписывай.

Моя рука дрожала. Я хотела швырнуть ручку Дорну в лицо, а потом позвонить Артемию и прокричать, до чего он нас довел. Вместо этого вывела свою фамилию. Последний штрих вышел кривым; я смотрела на него и не могла отпустить ручку.

Дорн забрал документ, сложил его вчетверо и убрал в карман. Затем открыл прочистную дверцу трубы, выгреб комья сажи и мусор. Проверил тягу горящей спичкой. Только после этого принес из машины сухие дрова, положил их в печь вместе с растопкой и поджег.

Пламя взметнулось вверх, весело потрескивая. Тепло начало расходиться по комнате, мягкое, живительное. Я открыла чулан, вынесла Тимура к печке, дала ему лекарство по привычной схеме, прижала к груди теплую грелку. Он сразу затих, сонно моргая.

Я почувствовала облегчение, но оно было горьким. Смотрела, как Дорн садится на перевернутый ящик напротив печи. Он снял перчатки. На левой руке, на безымянном пальце, было кольцо с массивным камнем. Но не это привлекло мое внимание. Когда он наклонился, чтобы поворошить угли, из его кармана выпал предмет.

Маленький, потертый медальон на цепи. Он звякнул о бетонный пол.

Я инстинктивно потянулась к нему, прежде чем он успел поднять. Медальон был серебряным, почерневшим от времени. На лицевой стороне был выгравирован герб. Знакомый до боли. Герб усадьбы Лунёвых. Орел с раскрытыми крыльями.

Перевернув его, я увидела гравировку с обратной стороны: «М.Д., сын дома».

Сердце пропустило удар.

— Что это? — спросила я, глядя ему прямо в глаза.

Дорн не стал вырывать медальон. Он медленно забрал его из моих пальцев, спрятал обратно в карман. Его лицо изменилось. Он сжал медальон в кармане и задержался, прежде чем вынуть руку. Теперь смотрел мимо меня, на печку; к нему я уже не решалась потянуться.

— Артемий не просто украл деньги, Алиса, — произнес он тихо, почти одними губами. — Он убил моего отца. Лишил наследства. Сломал семью, чтобы получить эти стены. И ты сейчас живешь в его могиле.

Я стиснула горячую грелку. Значит, ни я, ни Тимур не были причиной его приезда. Он не наемник. Он жертва той же системы. Но он опаснее. Потому что у него есть мотив, который не купить деньгами. Месть.

И я только что стала частью его плана.

— Пей чай, — сказал Дорн, ставя передо мной жестяную кружку. Пар поднимался спиралью, размывая очертания комнаты.

Я взяла кружку обеими руками, грея ладони. Смотрела в темную воду: бледное лицо, растрепанные волосы. Я сделала глоток и обернулась к Тимуру. Он лежал у теплой печки. Ради этого и подписала.

Но вдруг пар качнулся. Отражение сместилось.

В открытой двери за спиной Дорна возник силуэт. Женщина в дорогом пальто. Идеальная прическа. Знакомая улыбка.

Я подняла голову.

Дверь скрипнула под её рукой.

На пороге стояла Виктория Славина. Моя «лучшая подруга». Та, кто всегда знала все секреты.

Она смотрела на нас. На меня, на Тимура, на Матвея Дорна. И улыбалась. Широко, победно, зловеще.

Она знала, где мы.

При Дорне она не решилась войти: постояла, разглядывая нас, и ушла. Но я уже понимала — эта дверь её не остановит.

В общежитии пахло сыростью и ржавчиной, но сегодня к этому букету примешался другой запах — острый, бульонный, с ноткой куркумы. Я сидела на скрипучей табуретке, глядя, как Тимур спит в углу под тремя одеялами. Его дыхание было слишком тихим, почти неслышным, и я вслушивалась в эту тишину, боясь пропустить момент, когда оно остановится. Арте-

мий перекрыл нам квоту на импортные препараты через свои фонды. Теперь мы умирали медленно, потому что кто-то решил сэкономить на наших жизнях ради красивых цифр в отчете.

Я делала вид, что одна. Рисовала чертежи на коленке, хотя пальцы дрожали от голода. Если я буду игнорировать присутствие чужака за дверью, возможно, он исчезнет. Возможно, я снова стану хозяйкой своей жизни, даже если эта жизнь помещается в двадцати квадратных метрах развалины.

— Ты ешь? — голос был низким, бархатным, но в нем слышался металл.

Матвей Дорн остановился на пороге. Поставил термос на край стола рядом со мной. Крышка щелкнула, выпуская пар. Внутри был густой суп. Рядом лежала пачка антибиотиков. Не те дешевые аналоги, что висят в аптеках для бедных, а оригинал, который стоил как моя зарплата за месяц.

Я вздрогнула так сильно, что карандаш сломался. Подняла глаза. Матвей стоял в тени коридора, прислонившись спиной к стене. Он не улыбался. Он смотрел на обломок карандаша в моей руке, потом на термос. Не спрашивал, когда я ела в последний раз. Знал, что не смогу отказаться, и это злило.

Тимур пошевелился под одеялами. Я отложила сломанный карандаш и поправила ему ворот пижамы: от пота ткань прилипла к шее. Он не проснулся. Со вчерашнего вечера я ничего не ела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.